

Бушмакина Фаина Александровна
г. Ижевск

НАХОДКА

Посвящается маме.

С самого раннего детства у Нasti были особенные и глубоко личные отношения с природой. В любое время года она любила проводить время в лесу или на берегу речки. Выполнив наказы матери по домашней работе, она могла целыми днями бродить по лесным потаённым тропам, потом возвращалась домой уставшая, но наполненная необъяснимым светом и умиротворением. Даже зимой она нередко выбиралась в лес на своих стареньких коротких «лыжиках» с облупленной красной краской. За неделю до Нового года традиционно шла в лес за ёлочкой и терпеливо срезала перочинным ножом маленькое деревце с уже острыми и колючими иголками. Обычно выискивался проросток, пустивший корни в тени какого-нибудь мощного лиственного дерева, под которым ёлочка вряд ли смогла бы вырасти в большую и стройную ель. Ей было жалко эту девочку-ёлочку, поэтому она, пропиливая ножом её тонкий стволик и виновато утешая, ласково приговаривала: «Какая ты выросла пушистая, стройная да красивая. Сейчас ты пойдёшь ко мне в гости, и я украшу тебя игрушками и гирляндами, которые мастерила всю неделю».

Иногда в лесу ей чудилось, что с глубокого синего неба доносится торжественная музыка, неслышимая ухом, но проникавшая в самую глубину её существа. И эта музыка мощными жизнеутверждающими звуками сливалась с лесными шорохами, шёпотами деревьев и птичьими голосами. Словно в лесу играл невидимый волшебный оркестр. Настя и не догадывалась, что и лес, и вся природа, наполнявшая её непостижимым светом, навсегда останутся самой большой любовью в её сердце.

Евдокия, мягко говоря, не одобряла одиноких путешествий дочери в лес. Она пыталась убеждать Настю, что в лесу много разных опасностей, приводила разнообразные устрашающие примеры. Но все уверения бы-

ли напрасны. В лесу Настя чувствовала себя просветлённой и как бы приблизившейся к небу, и от этого более счастливой.

Учёба в школе была для неё трудной и неизбежной повинностью. Нередко она присутствовала на уроках только физически, и, сидя за своей партой, погружалась в воспоминания о солнечном лесе, о лугах, о весенних ручьях, о щебете многочисленных птиц, и о том, как легко дышится в лесу и как сладок первый берёзовый сок. В апреле первые подснежники неуловимо и тонко пахнут берёзовым соком и последним снегом. Иногда в школе были интересные уроки, которые освещали какое-либо природное явление и дополняли её спонтанные знания и наблюдения. Другие школьные предметы, не связанные с природой, давались ей с трудом. Поэтому в пионеры её принимали с условием, что она «не запятнает высокое звание советского пионера», и будет стараться хорошо учиться.

Бушмакина Ф.А.

В комсомол она вступила потому, что это должны были сделать все без исключения старшеклассники. Она не любила разные шумные и массовые мероприятия, но белой вороной быть не хотелось. И, кроме того, в свои четырнадцать лет она уже прекрасно знала, что выделяться среди всех и отделяться от коллектива чревато разными осложнениями в жизни.

Настя никому не говорила, что она крещёная, и что у неё есть маленький крестик, который она старательно прятала от подруг и одноклассников.

Однажды гуляя по щё беziственному, прозрачному и солнечному весеннему лесу, Настя остановилась на сухом холмике возле крепкой белокожей берёзы и решила попробовать первый берёзовый сок. С трудом проковыряв перочинным ножом маленький и глубокий надрез на коре, вставила в устье надреза перо от школьной чернильной ручки. Затем прикрепила под пером заранее оснащённую бечёвкой алюминиевую кружку. В ожидании лесного угощения присела на сухой берёзовый корень, выступавший из земли толстой и гладкой золотисто-коричневой петлёй. Сосвem рядом протекал широкий весенний ручей с хрустальной прозрачной водой, и Настя загляделась, как течение промывает и словно причесывает уже подросшую и стелющуюся под стремительными струями траву. От бликов искрящихся на солнце струй и волнисто качающейся под водой травы, глаза начали уставать и слипаться. Чтобы взбодриться, сняла с блестящей и шелковистой поверхности коры трепещущую от влажного ветра тоненькую полупрозрачную полоску и, натянув её между губами, стала высвистывать почти соловьиные трели. Устав выдувать птичи посвисты, захотела отдохнуть и просто посидеть с закрытыми глазами.

Придвигаясь спиной к бугристому основанию ствола, чтобы привалиться, она оперлась рукой на землю. И почувствовала, как сквозь слой прошлогодних листьев в ладонь упёрлось что-то твёрдое и острое. Разворшив слой трухлявой и слежавшейся влажными и почерневшими пластами листвы, увидела темный конец металлической пластинки. Просто так вытащить находку не удалось, тогда она ножиком разрыхлила влажную и по-весеннему пушистую землю, и с трудом высвободила из-под корня большой металлический крест с изображением распятого Иисуса Христа. Крест высотой и шириной не превышал размеров обычной книги и весь был покрыт зеленовато-коричневым многолетним налётом. Оттерев с находки переплетённые корни травы и землю, кончиком ножа стала выскребать труху из всех углублений в кресте и увидела, что на нём не только изображение Иисуса Христа, но есть щё какие-то непонятные буквы, линии и знаки.

– Надо его хорошо вымыть и почистить дома, – решила девочка и засунула находку в карман своего старого пальто.

Она поднялась, сняла с берёзы наполовину наполненную соком кружку и осторожными медленными глотками выпила холодный и чуть сладковатый сок. Через минуту ей показалось, что она пила не сок, а какой-то

волшебный напиток, наполненный неведомой энергией, которая заполнила её до краёв, и захотелось глубже дышать и петь неведомый гимн лесу и всей жизни. Привычно замазав надрез на коре комком вязкой глины, Настя направилась домой.

– Вот мама обрадуется! – Думала Настя и тоже в душе радовалась, предвкушая мамино счастливое изумление. Пока шла домой, внутри неё что-то пело и ликовало.

Евдокия была глубоко верующим человеком и, вопреки воинствующей атеистической пропаганде, очень хотела окрестить дочь. Но это надо было сделать тайно, чтобы не осложнить жизнь ни себе, ни дочери. Однажды она решилась и в осенние каникулы повезла первоклассницу Настю в соседний небольшой городок в старинную, но всё ещё действующую церковь. Насте всё увиденное было внове – и запах множества тонких горящих свечей, и торжественная тишина, в которой перешептывались немногочисленные старушки в тёмных платках. Она с интересом разглядывала большие иконы в нарядных окладах, с которых смотрели на неё строгие лики святых. После обряда крещения, уже в автобусе, всё время ощущая на груди лёгкую теплоту крестика, Настя уснула, склонившись на плечо матери.

Вернувшись домой, Евдокия настрого наказала дочери хранить в тайне и поездку, и всё, что с ней произошло. Потом достала из кованого сундука старинный молитвослов, показала несколько основных молитв и посоветовала их заучить.

По дороге из леса Настя вспоминала и поездку в город, и свое крещение, в памяти всплывали лики святых, которые от колебания свечного огня казались живыми, тихий голос мамы, державшей Настю за руку, и умирающий голос священника.

– Жаль, что о находке никому нельзя рассказать, – рассуждала Настя. Я же пионерка, меня затравят, начнут насмехаться в классе и стыдить на общешкольной линейке.

Дома Настя в тазике тщательно промыла находку с мылом, потом каким-то обрывком мелкого наждака прошкурила все доступные поверхности креста. Проступила золотистая окраска бронзы, контрастирующая с оставшимися в углублениях тёмными участками, отчего изображение Христа стало более рельефным и трагичным.

Вечером, когда мать пришла с работы, Настя показала ей найденный в лесу крест. Та тихо охнув, бережно взяла его обеими руками, долго разглядывала со всех сторон, потом перекрестилась и приложилась к нему губами. После чего тихим и торжественным голосом произнесла:

— Он очень старинный, бронзовый. Он не зря тебе, Настенька, показался из земли. Это Божий знак, чтобы ты верила и любила Бога. И больше не спорь со мной, что Его нет. Никогда не расставайся с этим крестом, он будет хранить тебя от бед и разных напастей.

Всю ночь Евдокия не спала и размышляла о значении удивительной Настиной находки. Она даже боялась думать, что, возможно, это знак необычной судьбы дочери, особого её предназначения. И в то же время в душу проникала леденящая мысль, не к беде ли эта находка... Очень тревожил Дусю скрытный и беспокойный характер дочери, её упрямство и бесшабашность, её многочасовые одинокие прогулки по лесу. И, как любая мать, она с тревогой думала о будущей судьбе дочери, искала в её поступках некие провидческие намёки и признаки. Ночью она долго и неотрывно глядела на маленькую икону в простом металлическом окладе, освещенную слабым ночным светом, и шёпотом молилась, крестясь в конце каждой молитвы и произнося едва слышное «Аминь».

Настя, видя необычную реакцию матери, тоже задумалась о том, что может сулить ей эта находка. Но эти мысли не нашли никакого объяснения в ещё детском уме и, затаившись где-то в глубине души, истаяли с поверхности сознания, словно снежинка на ладони.

— И всё же есть Бог или нет? — Эта мысль настойчиво занимала ум Нasti. И учителя, и учебники, и радио убеждают в том, что это выдумка необразованных и слабых духом людей. Но почему почти все взрослые носят крестики? Это Настя заметила давно, когда мама водила её по субботам в общественную баню. Почему в Пасху все люди словно светятся и поют, красят яйца и толпами ходят в церковь и вокруг неё? И все дружно празднуют главные религиозные праздники — Рождество, Крещение, Троицу и другие...

Где-то на самом дне своего сознания она давно и твёрдо была убеждена, что существует некая вселенская сила, излучающая свет и добро и управляющая всем этим миром. Наверное, эту необъяснимую силу называют Богом. Ещё в раннем детстве мама рассказывала ей, что Иисус Христос — это посланник Бога на земле, явившийся чтобы помочь страждущим и научить людей жить правильно.

Получается, что несмотря ни на что, многие люди всё же верят в Бога и стараются жить по его правилам. Но они спрятали свою веру внутрь себя, и теперь Бог тайно живёт в глубине каждой человеческой души.

Все последующие годы, куда бы ни заносила её судьба, Настя возила найденный крест с собой. После окончания школы мама подарила ей ещё и голубую ленту с начертанными на ней золотыми буквами оберегающими молитвами и настояла, чтобы Настя всегда носила эту ленту с собой. И Настя не посмела её ослушаться, она чувствовала, что в этих предметах живёт надежда и от них исходит какая-то тёплая энергия.

Получив аттестат зрелости, почти все одноклассники разъехались по ближайшим городам. Кто-то поступил в институт, кто-то устроился на завод, а кто-то сразу женился.

Шестнадцать лет спустя, Настя с мужем и трёхгодовалым сыном снимали подвал в городе в деревянном частном доме и с нетерпением ждали обещанного завода на квартиру.

Однажды весной её первенец заболел, и у него резко поднялась температура. В детской поликлинике выписали какие-то таблетки, которые отец должен был по пути с работы купить в аптеке и принести вечером домой. Но после полудня Настя с ужасом увидела, как у мальчика начались непонятные и страшные судороги, потом его тело вытянулось, лицо приобрело синеватый оттенок, и через какое-то время он перестал дышать. Растревавшись, она суматошно схватила сына, потом положила снова на диван и начала делать искусственное дыхание. Не замечая обильно текущих по лицу слёз, вся дрожа от страха и отчаяния, приговаривала: «Сыночка, малыш мой любимый, только не умирай... Ну, пожалуйста, не умирай... Давай дыши, дыши...». Не видя признаков жизни, набросила на него детское одеяльце, выскочила во двор и стала истошным голосом звать хозяйку дома, и, рыдая, умоляла её срочно вызвать скорую помощь. А сама тем временем положила сына на обледенелую скамейку и начала молча и сосредоточенно снова делать искусственное дыхание и массировать ему руки и ноги. Потом почти бессознательно схватила горсть снега, осторожно растёрла её на груди ребёнка и стала ритмично надавливать на грудную клетку, чтобы заставить сердце снова биться. Наконец, сын резко и глубоко вздохнул и медленно открыл глаза. По щекам Нasti снова появились слёзы, но это уже были слёзы безумной материнской радости. Прижав сына к своей груди и ласково разговаривая, она занесла его в дом, сменила одежду и, стоя на коленях возле дивана, на котором он лежал, нежно гладила ему руки, ноги и всё ещё вялое тело. Сын молча и удивлённо смотрел в лицо матери и вдруг медленно закрыл глаза. Настя, с

почти остановившимся от ужаса сердцем, склонилась к его лицу и прислушалась, но ребёнок дышал ровно и спокойно. Он спал.

Осторожно укрыв сына, Настя упала на колени перед висящим на стене бронзовым крестом, и стала шептать молитвы, какие помнила, а потом своими придуманными словами молилась о том, чтобы мальчик выздоровел. Из самого сердца рвались жаркие слова благодарности заозвращение ей сына. А из глаз ручьями лились горячие слёзы. Она поминутно оглядывалась на спящего ребёнка, чтобы убедиться, что он просто спит. И тут же придумала и навсегда запомнила свою маленькую и бесхитростную молитву: «Господи Иисусе Христе, спаси и сохрани моего сыночка от всех напастей и болезней, помоги ему вырасти здоровым и крепким, умным и добрым, и стать хорошим человеком. Научи меня и мужа и сына смиреню, терпению и милосердию, трудолюбию и доброте. Пусть в наших сердцах поселятся вера, надежда и любовь...».

Внезапно за спиной послышался шорох. Проснулся сын. Настя вскочила с затёкших колен и подбежала к сыну. Он уже успел сесть на диване и бодрым голосом произнёс: «Хочу кушать».

В это время в дверь постучали – приехала скорая помощь. Пожилая врач с усталым лицом расспросила Настю, внимательно осмотрела и прислушала ребёнка, потом поставила ему какие-то уколы. В конце осмотра сказала, что в ближайшие дни судорог не будет, но в будущем они вполне вероятны, как реакция на высокую температуру. Поэтому надо тщательно следить за здоровьем ребёнка и избегать малейшего повышения температуры. Лучше всего завтра вызвать участкового педиатра на дом, потому что в поликлинике он может подхватить ещё какую-нибудь вирусную инфекцию. А это для него опасно.

Когда врач уехала, Настя покормила сына, и он, как ни в чём не бывало, начал скакать на пружинящем диване. Но быстро устав, прилёг и свернулся калачиком, положил голову на подушку и мгновенно уснул.

Настя снова обратилась к бронзовому кресту и, стоя на коленях, вновь стала шептать молитвы. Потом достала из своей сумочки мамину аккуратно свёрнутую в клубок ленту с оберегающими молитвами, расправила её и осторожно положила вокруг спящего сына.

Вечером вернулся с работы муж, одновременно проснулся и сын. Истопив печь и накормив семью ужином, Настя всех уложила спать. Но ей самой не спалось. Она размышляла над ушедшим днём. Она была уверена, что спасти сына помогла ей могучая сила, исходящая от старинного бронзового креста. Она старалась никогда и никому не говорить о своейтайной вере, но в глубине её души всегда, сколько она себя помнила, жила уверенность, что Он есть, что бы там ни говорили. И, хотя, будучи ещё подростком, она категорично и чужими словами пыталась доказывать ма-

тери, что религия – «это опиум для народа», внутри себя всегда чувствовала присутствие сокровенной веры в справедливого и доброго Бога.

По выздоровлении сына Настя после рабочего дня, накинув на голову платок, тайком зашла в ближайшую церковь и поставила свечку за здоровье сына и всех родных. Заодно и другую свечу – о упокоении своей давно покинувшей этот мир матери. Даже муж не догадывался об этих тайных посещениях храма. У него, как у коммуниста, могли возникнуть неприятности на работе.

С того случая в душе Насти уже не оставалось сомнений в том, что человек в этом мире не одинок. Она даже написала стихотворение по этому поводу:

Как глупо в Тебе сомневаться
И жить без заветов Твоих,
Без длани Твоей оставаться,
Не помня молитвенный стих.

Как глупо с печатью гордыни
Во всём на себя уповать.
Лишь Ты – мне опора отныне!
В Тебе лишь – моя благодать!

Душа вдруг запросит покоя, –
Войду, покорившись толпе,
Промолвлю, клонясь к аналою:
«Не сомневаюсь в Тебе!».

И, веря в чудо Спасенья,
К Тебе без сомнений иду!
В таинственный час озаренья
С Тобою беседу веду.

Через несколько лет, приехав уже с двумя подросшими сыновьями в Ленинград, она окрестила обоих мальчиков в Александро-Невской Лавре. И в душе её улеглись какие-то тёмные тревоги, пришло умиротворение и светлый покой.

*г. Ижевск.
Апрель, 2016.*